

ВЛАДА АСТАФЬЕВА

ЛГУНЬЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
А91

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление *В. Половцев*

Астафьева, Влада.
А91 Лгунья: [роман]/ Влада Астафьева. — Мо-
сква: Издательство АСТ, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-17-188954-8

Дарина была солнцем — но солнцем капризным. С самого детства никто не знал, когда она говорила правду, а когда лгала, какие из ее проблем были реальностью, а какие — попыткой привлечь внимание.

И вот теперь Дарина мертва. Многие готовы поверить, что это был несчастный случай, и лишь ее бывшая одноклассница Лора подозревает, что где-то среди лжи Дарины скрывался настоящий крик о помощи, который никто не услышал.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-188954-8

© Астафьева В., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

ДАРИНА

Вы когда-нибудь замечали, что мы не знаем, какая встреча с человеком станет последней?

В большинстве случаев. Это в кино еще могут показывать красивую церемонию прощания, слезы у постели умирающего. Реальность жестока: ты говоришь «До встречи!» или «Надо куда-нибудь через недельку выбраться!». Но встречи не будет, потому что — авария, потому что — болезнь и реанимация, в которую не пускают, потому что — дурацкое нелепое движение, падение, ошибка, которую так легко исправить, только вот исправить уже нельзя, все закончилось за секунду. И ты остаешься один в этой пустоте, придавленный непоправимостью, и зачем-то задаешь себе так много бессмысленных вопросов, главный из которых — почему?

Я не помню нашу прошлую встречу с Дариной. Кажется, какое-то кафе, то ли праздник отмечали, то ли случайно пересеклись... Это было больше пяти лет назад и не имело значения, я не знала,

что мне нужно это запомнить. Особенно при том, что после этого Дарина не исчезла из моей жизни. Она была именем в мессенджерах, нечастой перепиской и традиционными стикерами-поздравляшками на день рождения и Новый год. Одна из многих — я с большинством старых подруг так общаюсь! Жизнь ведь бежит все быстрее, дела, дела, работа, потом еще развод, ну какие тут посиделки с девчонками...

В следующий раз я увидела Дарину в день, когда нашла ее тело.

Она сама просила меня приехать. Появилась из ниоткуда в моем мессенджере, как будто из другой жизни. Я потом даты сверила — она пропустила два дня рождения и один Новый год. Я не обратила на это внимания... Я и сама так иногда делаю: перестаю присылать дежурные сообщения и выпадаю из чьей-то жизни навсегда, потому что будущее несется совсем не в ту сторону, которую я ожидала. Я думала, что и Дарина вот так исчезла, а она вернулась, да еще и без повода, попросила приехать. Голосовое прислала даже:

— Мне нужно показать тебе что-то важное, мне очень нужно, чтобы именно ты это увидела! Ты умная, Лора, а я не очень. Думаешь, я этого не знаю? Я всегда знала, просто мне казалось, что это не важно, умные ведь не всегда счастливые, а счастливые не всегда умные... Я больше хотела счастливой быть, да вот, видишь, не получилось... Ты приезжай, пожалуйста, хорошо?

Голос был ее — и одновременно не ее. Слишком тихий, слишком быстро звучит, интонации как-то

странно скачут, как будто она в один момент говорит со мной, а в следующий — уже с кем-то внутри самой себя, просто позволяя мне услышать. На фоне того, что мы не общались больше года вообще никак, такие откровения казались особенно странными, и я пару раз переслушала запись, пытаюсь понять, не стала ли Дарина любительницей выпить. Нет, вроде не пьяная... И не предположишь ведь, что она послала сообщение не тому человеку — она назвала мое имя.

«Ты можешь нормально объяснить?» — напечатала я. Терпеть не могу звонки. И голосовые сообщения. Эволюция дала нам развитые большие пальцы, явно предвосхищая появление смартфонов!

Дарина будто почувствовала мое настроение, следующее сообщение она потрудились напечатать: «Я не могу, это сложно, приезжай, пожалуйста!»

«Я занята, не знаю, получится ли».

«Можно не сейчас, но если будет возможность, пожалуйста!» — и умоляющий смайлик. Ну, раз смайлики шлет, значит, все в порядке.

«Ничего не обещаю», — отправила я.

На самом деле это означало «Никуда я не поеду». Я действительно не собиралась ехать, не потому что так уж занята, просто настроения не было. В последнее время многовато навалилось, и вроде как у меня был шанс выбраться к Дарине, но такая поездка казалась менее приоритетным вариантом, чем лежать, плакать под грустную музыку и думать о жизни.

Впрочем, примерно через неделю сокрушаться мне надоело, и я решила: почему бы не съездить? Говорят же, что смена обстановки помогает. Особенно когда ты возвращаешься в места, где не был много лет — но когда-то все-таки был!

Мы с Дариной дружили в школьные годы, поэтому меня не раз приглашали в летний домик ее бабушки. Мне казалось, что это очень большая честь — дивное же место, какие сады, какие леса, какие яркие, как из сказки, хатки вокруг! Но мама почему-то каждый раз хмурилась, утягивала папу за дверь, и из спальни рокотали споры, в которых неизменно всплывали слова «глушь» и «антисанитария». С годами я разобралась, что ее смущало: бабушка Дарины летом размещалась в крохотном садовом товариществе, да еще и в самострое без удобств. Страшный сон матери, подверженной гиперопеке над единственным, долгожданным, с трудом выношенным ребенком. К счастью, папе удавалось отстоять мое право на глушь и антисанитарию, так что в сказочный мир островерхих крыш и разноцветных витражей на окошках мансарды я все-таки попадала.

Только вот сказкой это было летом и в детстве. Дарина же почему-то забралась туда осенью, и не той, которая милостиво похожа на лето, а той, которая полна дождей, туманов и влажной, пробирающей под одежду сырости. Когда я решила, что все-таки поеду к ней, я пыталась расспросить, почему именно туда, почему она не в городе, но она уже не отвечала.

Это был первый знак... Не тревожный звонок даже, а красная тряпка, которой размахива-

вают прямо у меня перед глазами. Что-то не так, почему сообщение не прочитано за столько часов? Лучше бы не соваться самой, а связаться с семьей Дарины, ну, или с тем же Денисом — вдруг они снова встречаются?

Но мне это почему-то не пришло в голову, я подумала, что дело то ли в Дарине, которая бросала телефон где попало с тех пор, как обзавелась им, потому и теряла устройство не реже раза в год, то ли в сотовой связи, которая к той самой глуши относилась даже презрительней, чем моя мама. Я решила, что все равно съезжу. В другое время многочасовая поездка меня бы точно не привлекла, не рационально, я так давно уже не поступаю. Но сейчас мне этого хотелось.

Вождение машины хорошо отвлекает, заставляет сосредоточиться на «здесь и сейчас», очищает мысли от лишнего и ненужного. Понятно, что не для всех, некоторые едут по инерции, мыслями уносятся непонятно куда, а то и вовсе утыкаются носом в телефон. Такие водители в итоге оказываются в оврагах или в состоянии гармошки с другим автомобилем, вопрос лишь в том, рано или поздно. Мне же нравится размышлять о самой дороге, чувствовать автомобиль, как живое существо, осознавать, что в этот миг не только время проходит сквозь меня, но и я прохожу сквозь пространство, такое вот возвращение контроля над знатно пошатнувшейся жизнью.

Я даже приготовилась плакать — не всю дорогу, а хотя бы часик. Дождь барабанит по стеклу, в полях туманы, в динамиках — уже знакомая грустная му-

зыка. Разве не идеальная атмосфера? Но со слезами не сложилось, я вообще редко плачу, в последние дни поставила рекорд и, видимо, выплакала годовую норму осадков. К затерянному за бесконечными полями садовому товариществу я добралась в неожиданно хорошем настроении.

Хотя сначала я даже решила, что не туда свернула, навигатор, зараза такая, опять прочирикал свое «Поверните направо!» раньше срока. Потому что я-то помнила сказочный городок, проступающий над волнами зеленого моря высоких трав. А теперь я будто обнаружила на пожухшей поляне старые грибы, прикрытые гнилой листвой. Вроде и поднимаются над землей, но как-то неубедительно, так, что даже срезать их нет смысла — ясно ведь, что червивые!

Не знаю, почему так сложилось. Может, потому, что детство кончилось слишком давно — и я с тех пор увидела слишком много. Когда мне раньше говорили, что лучшее — враг хорошего, я долго не понимала эту фразу. Хорошее — хорошо, лучшее — еще лучше, где здесь подвох? А подвох в том, что когда ты знаешь, как может быть, ты перестаешь восхищаться тем, как бывает. Вот и теперь вместо маленьких замков я видела дома, сколоченные как получится, под старыми крышами, среди черных деревьев, потерявших половину листвы. Долгие дожди прибили к земле последние цветы. Небо серое, низкое, удручающий фон для выцветших стен, а старый яблоневый сад и вовсе почему-то похож на кладбище... Впрочем, заикнуться на этих мыслях я не смогла: поверхность под колесами

стала скользкой из-за листвы, которую никто и не думал убирать, машину чуть вело, и двигаться нужно было очень внимательно, умоляя мироздание о том, чтобы на однополосной дороге не возник вдруг трактор, который сметет меня в грязь просто потому, что традиция тут такая.

Как ни странно, настроение это мне не испортило. Машина хорошая, резина новая — пробрались! Да и далеко катиться по каше из листвы не пришлось: нужный мне дом располагался близко к въезду, у самого яблоневого сада, так, что соседи у Дариной бабушки были только с одной стороны, и даже их не видно из-за буйных насаждений... Ну, летом точно видно не было.

Раньше садовое товарищество было огорожено общим забором, на въезде располагались ворота, которые вечно проседали, и приходилось идти за помощью к соседям, чтобы дружными усилиями трех-четырех мужчин это чудо инженерной мысли открыть, потом закрыть. Видимо, с годами это всем надоело, и сомнительное охранное сооружение просто исчезло. Судя по тому, что тут уже повсюду буйно росла трава, произошло это давно. Интересно, считается ли это скопление строений садовым товариществом или гордо зовется коттеджным поселком? Надо бы спросить у Дарины... Или нет, не то чтобы это важно.

Место для парковки нашлось быстро, площадка идеального размера возле чуть покосившегося забора. Летом помешала бы трава, тут ее явно не косили весь год, но сейчас она сдалась осени, улеглась ковром, будто приветствуя меня. Да и дождь на время утомился, тоже приятно.

Других машин, кстати, не было. Не только у домика Дарины, на всей улице. Да и понятно, почему, даже с легким налетом цивилизации вроде дополнительных пристроек или укрепленных стен, это место все равно оставалось призраком садового товарищества, не подходящим для круглогодичного проживания. Возможно, и Дарина одумалась, она давно в городе, я зря приехала? Ай, все равно не зря. Я чувствовала себя куда спокойней, чем в минувшие недели, уже это достойная награда. Сейчас, может, яблок каких поздних наберу и обратно поеду...

Но сначала я все равно хотела проверить дом на наличие Дарины. Калитка осталась приоткрытой, однако не потому что меня ждали: доски уже вросли в землю, это теперь нормальное положение. Так что я кое-как прощелась внутрь, огляделась по сторонам. Двор зарос... Лучшее воплощение миновавшего времени и перемен, которые оно приносит: при Дариной бабушке такого не было. Только подстриженный безупречно, будто ножницами, газон, только совершенная симметрия грядок. А поди ж ты пойми теперь, где тут грядки были, вокруг — сплошь желто-зеленое море трав и полевых цветов, испытание новой хозяйкой перенесли разве что старые кусты и деревья, но это советские сорта, они, возможно, и конец света кое-как перетерпят.

Даже в этом триумфе одичания сохранялись не до конца заросшие тропинки, получается, Дарина или была здесь недавно, или до сих пор где-то поблизости.

— Дашка! — крикнула я. — Отзовись на имя, потому что в лицо я рискую тебя не узнать!

Мои вопли напугали местных ворон, три взъерошенных черных комка с возмущенным карканьем взвились в небо. В остальном же реакции не было: все те же замершие домики, все та же глухая, будто ватой укутанная тишина. На смену дождю пришла та особая влажность, которая не проливается на землю, но ощущается кожей, когда через нее проходишь. В воздухе — запах сырой земли и прелой листвы, слишком сильный, чтобы пропустить нечто иное.

Вот тут мне и стало не по себе... Может потому, что все это было похоже на сцену из какого-то фильма ужасов? Правда, не напряженного, с погонями и реками крови, а какого-то меланхолического. Того, где маньяк в хоккейной маске лениво машет мачете во все стороны, а тот, кому он случайно отсек руку, вздыхает и говорит: «Экая неприятность приключилась...»

Не знаю, зачем я воображала все это. Иронией всегда проще закрыться от чего-то более серьезного, прорывающегося острыми льдинками под кожу. Я напоминала себе, что я — взрослая женщина, и мне не положено поддаваться беспричинному страху. Напоминания не работали. Взрослой женщине хотелось удрать обратно в свою уютную машину, запереть все двери и дать по газам.

Но так ведь нельзя! Несколько часов за рулем, чтобы... что? Напугать трех ворон и бежать в сторону горизонта? Нет уж, хотя бы размяться надо!

Я попробовала позвонить Дарине, но телефон оказался отключен. Причем когда — неизвестно.

Возможно, он был отключен уже сегодня утром, когда я ей писала, мессенджеры о таком не сообщают. Почему я не попыталась позвонить ей тогда? У меня до сих пор нет ответа. Возможно, мессенджеры просто стали настолько привычной частью реальности, что иначе уже не получается. Что ж, если телефон давно отключен, я в нынешней ситуации виновата не меньше, чем Дарина... Как ни странно, от этого открытия стало легче. От того, что я сама себе усложнила жизнь, да. Все-таки я монстр контроля, надо исправлять...

Я попыталась заглянуть в окно, чтобы убедиться: дом пуст. Не получилось. Дом был построен по странному проекту, как и многие в этом поселке, я таких никогда не видела. Чаше ведь как бывает? Все улицы забиты плюс-минус одинаковыми зданиями. А тут все выглядит так, будто какой-то архитектор очень долго говорил по телефону, в процессе отвлеченно рисовал на обрывке бумажки, ну а потом кто-то решил воплотить эти загогулины в реальность. Так что на участке возвышался вытянутый домик с острой крышей, вмещавшей прямо под собой целую комнату, и окнами причудливой формы — расположенными высокомерно от земли даже на первом этаже. Короче, я банально не дотянулась.

Попытка открыть входную дверь ни к чему не привела, но оно и к лучшему, иначе атмосфера фильма ужасов достигла бы предела. Долго топтаться на крыльце я не стала, спустилась по ступеням и обошла домик, чтобы попасть на задний

двор. Цель была все та же: посмотреть, достанется ли мне компенсация в виде яблок, или смириться.

Ну а потом я увидела... это. То, что заставило забыть и о яблоках, и обо всем на свете. То, что окончательно пробило мою броню из иронии, убеждавшей меня, что фильмы остаются на экране, в реальной жизни ничего страшного не происходит — не в тихих уютных поселках, не в разгар дня.

Металлическая цистерна стояла на заднем дворе всегда. По крайней мере, столько, сколько я сюда приезжала — и наверняка раньше, потому что уже в годы моих первых визитов она была частично вросшей в землю, выгоревшей на солнце, в жару полыхающей, как гигантская печка. Я понятия не имею, где Даринина бабушка взяла это бочкообразное нечто, огромное, как целый вагон, как доставила сюда. Но, видимо, операция всех так впечатлила, что объект признали монументальным, дополняющим дом на века. Цистерна собирала дождевую воду через большой люк на верхней ее части, который потом закрывался, чтобы драгоценная влага не испарялась слишком быстро. Прогретая внутри вода хранилась долго и мстительно воняла болотом.

Бочка была для меня таким же привычным элементом пейзажа, как лужайка перед ней или старая груша чуть поодаль, она не должна была привлечь мое внимание — и все равно мгновенно привлекла. Потому что ей положено было оставаться зеленой, даже при заметных пятнах ржавчины и сухих хлопьях облезающей краски. Да она

и оставалась, проблема заключалась в том, что она оказалась не только зеленой. Среди серости осеннего дня и на выцветшем фоне новая краска, ярко-оранжевая, как будто сияла, бросая вызов самой реальности.

Тонкие огненные линии, складывающиеся в три слова. «Я не сумасшедшая». Надпись вроде как отрицающая — и как будто признающая совсем противоположный смысл. Потому что буквы неровные, оранжевые потеки потянулись по откормленному боку цистерны до самой земли, как слезы... или кровь. Рядом стоит ведро, валяется кисть, крышка тоже на земле, и внутрь натекло дождевой воды, смешавшейся с оранжевым. Но надпись сделана не только что, она, похоже, успела зафиксироваться, заняла свое место в этом дворе навсегда.

Она страшная. И звук тоже страшный. Я, пораженная посланием, не сразу заметила его. Точнее, заметила, думаю, сразу, но сквозь шок не осознала. Не готова была, да и дальше не готовилась, но вечно бежать от реальности нельзя. Глухие удары... Похоже на то, как яблоки бились о борта железного ведра, когда мы собирали их на этой самой даче. Только теперь не ведро. И не яблоки. Но тоже в воде...

Не следовало мне на это смотреть. Как будто так сложно догадаться... А что тогда следовало? Да сразу звонить в полицию, не оставаться одной в осеннем саду, призвать других людей, поручить это им, не видеть, не знать... Но я не поступила правильно. Возможно, какой-нибудь крутой психолог

за крутой гонорар объяснил бы это тем, что я привыкла управлять своей жизнью — или затаенным, уже тогда появившимся чувством вины перед Дариной... Не знаю и знать не хочу. Я просто не могла поступить иначе, вот и все, что имеет значение.

Я подошла к бочке, постучала. Ответа, конечно, не получила, и глупо было предполагать, что получу. На звук внутри это тоже не повлияло. Я попыталась забраться наверх, но не смогла: ржавый металл, покрытый грязью и каким-то то ли мхом, то ли лишайником из-за дождей стал скользким, у меня и шанса не было. Но, оглядевшись по сторонам, я обнаружила возле груши старую деревянную лестницу, еще достаточно крепкую, чтобы выдержать мой вес.

Я все равно могла соскользнуть в любой момент, верхняя часть цистерны была куполообразной. Поэтому я двигалась осторожно, очень медленно... да и не только поэтому, кого я обманываю? И люк я тоже долго не могла открыть...

Но все равно открыла. Думаю, если бы здесь царил лето с его жарой, я бы все поняла сразу — по насекомым, по запаху, наверняка скопившемуся внутри ядовитым облаком. Но холодная осень изменила правила игры, по ту сторону металла царил лишь темнота, разреженная отблесками света на легких волнах. Тогда я посветила внутрь, в заполненную почти доверху цистерну, фонариком — и в его голубоватом свете увидела то, что вряд ли когда-либо забуду.

Я увидела утопленницу. Уже потом, намного позже, когда ее достали из этой проклятой ци-